

René Girard

Are the Gospels mythical?

“ This article is devoted to the comparative analysis of the Gospels and the mythical texts. The author shows that the most anthropologists’ view on the New Testament’s texts as mythical is erroneous. During the research he comes to the conclusion that the Gospels are the original myths’ deconstruction, the key to their interpretation, and so they can not be mythical themselves. The article claims that the myth based on unanimous violence against the innocent victim (which innocence disappears behind the myth’s performance) always leads to the return of the lost peace, whereas the Gospel, because of their revelation of this lie,

opens the apocalyptic prospects. ”
Keywords: Gospels, anthropology, mythology.

© Girard R, First Things, 1996

© перевод Галёна Е.А., Лозовая Л.Я., 2009

УДК 27 – 247: 2 – 264

Мифичны ли Евангелия?

Рене Жирар

Данная статья посвящена сравнительному анализу Евангелий и мифических текстов. В ней автор утверждает ошибочность взглядов большинства антропологов на новозаветные тексты как на разновидность мифических. В ходе своего исследования он приходит к заключению, что Евангелия являются своеобразной деконструкцией мифов, ключом к их интерпретации и в силу этого не могут быть мифичными. В статье утверждается, что миф основанный на единодушном насилии против невинной жертвы, невинность которой и скрывается функционированием мифа, всегда ведет к возвращению утраченного мира, тогда как Евангелия по этой причине выявления этой лжи, открывают апокалипсические перспективы. Ключевые слова: мифология, Евангелия, антропология.

Сходство между Евангелиями и некоторыми языческими мифами использовалось как аргумент против христианской веры с самых первых дней ее существования. Когда в Римской империи апологеты официально поддерживаемого пантеизма отрицали какое-либо существенное различие между мифом о смерти-воскресении Иисуса и мифами о Дионисе, Осирисе, Адонисе, Аттисе и т.д., они были не в состоянии остановить поднимающуюся волну христианства. Но за последние двести лет, в ходе которых по всему миру антропологами были обнаружены базовые мифы, напоминающие Страсти

и Воскресение Христа, определение христианства как мифа, кажется, наконец одержало верх — даже среди верующих христиан.

Все эти мифы, открывающиеся неким вселенским или социальным кризисом и достигающие кульминации в страдании мистической жертвы (часто в руках у разъяренной толпы), заканчиваются триумфальным возвращением пострадавшего, тем самым явленного как божество. Но сегодня тот тип антропологического исследования, который был предпринят перед Второй мировой войной, — когда теоретики изо всех сил пытались обосновать сходства между мифами — большинством антропологов расценивается как безнадежный "метафизический" провал. Тем не менее этот провал никак не умерил скептически-научный пыл антропологии, но, кажется, каким-то таинственным образом лишь заставил еще более усомниться в догматических установках религии, которые ранние теоретики надеялись отбросить: если сама наука не в состоянии сформулировать универсальные истины о природе человека, то религия — как явно низшая по отношению к ней — должна была бы обесцениться еще более, чем предполагалось прежде.

Вот та интеллектуальная ситуация, с которой сталкиваются современные христианские мыслители, читая Священное Писание. Распятие не сравнимо ни с чем постольку, поскольку жертвой является Сын Божий, но в любом другом отношении это человеческое событие. Исследование данного события, направленное на антропологическую сторону Страстей (которой невозможно пренебречь, если относиться к догмату Воплощения серьезно), показывает не только ошибочность скептицизма современной антропологии в отношении человеческой природы, но и полностью дискредитирует идею о том, что христианство хоть в каком-либо смысле мифологично. Не мировые мифы открывают нам путь к толкованию Евангелий, а как раз наоборот: Евангелия показывают способ интерпретации мифа.

Конечно, Иисус сравнивает собственную историю с некоторыми другими, утверждая, что Его смерть будет подобна смерти пророков: "да взыщется от рода сего кровь всех пророков, пролитая от создания мира, от крови Авеля до крови Заха-

ри" (Лук. 11:50-51). Но что, спрашивается, означает здесь слово "подобна"? В смерти Страждущего Раба в книге Исаяи (гл. 52-53), так необыкновенно похожей на Страсти Христовы, толпа объединяется против одинокой жертвы подобно тому, как другие толпы объединяются против Иеремии, Иова, певцов покаянных псалмов и др. В книге Бытия Иосифа изгоняет завистливая толпа собственных братьев. Все эти эпизоды насилия имеют одинаковую структуру "всех против одного".

Так как Иоанн Креститель — пророк, можно было бы ожидать, что его насильственная смерть в Новом Завете будет, скорее всего, подобна вышеперечисленным. И действительно, Иоанн гибнет потому, что гости Ирода превращаются в толпу убийц. Сам Ирод столь же склонен сохранить жизнь Иоанну, как и Пилат — Иисусу; но правители, не оказывающие сопротивления ожесточенной толпе, неизбежно становятся ее заложниками, что и происходит с обоими.

В древности ритуальные танцы обычно считались самым *миметичным* из всех искусств, так как они сплачивали участников жертвоприношения против того, кто в ближайшее время будет принесен в жертву. Враждебная поляризация против Иоанна происходит вследствие танца Саломеи¹ — как результат, предвиденный и умело подготовленный Иродиадой непосредственно с этой целью.

В Страстях Иисуса нет аналога танцу Саломеи, но миметическое, или подражательное измерение явно присутствует. Толпа, которая собирается против Него, — та же, что с энтузиазмом приветствовала Его в Иерусалиме несколькими днями ранее. Такая внезапная перемена типична для непостоянных толп всюду: затаенная ненависть к жертве переходит в волну заразного насилия.

¹ Саломея (5 год — ?) — иудейская принцесса, дочь Иродиады, палачица Ирода Антипы. Один из персонажей Нового Завета (однако, там она не упомянута под собственным именем). Известна своим мастерством танца, который очаровал Ирода так, что он согласился выполнить любое её желание. Саломея потребовала убить пророка Иоанна Крестителя, и ей была принесена на блюде его голова.

Действие этой миметической инфекции впечатляет в поведении Петра. Будучи окружен людьми, враждебно настроенными по отношению к Иисусу, он подражает их враждебности. В конечном счете он повинется той же миметической силе, которая управляет Пилатом и Иродом. Даже воры, распятые с Христом, находятся под ее воздействием и не могут не присоединиться к толпе. И все же, мне кажется, Евангелия стремятся не заклеить Петра, воров, толпу в целом или евреев как народ, но вскрыть огромный потенциал миметического заражения, действующий во всей цепи убийств: от Страстей Христовых вплоть до "создания мира". У Евангелий есть основательная причина постоянно ссылаться на эти убийства. Она связана с двумя важными словами: *скандалон* (*skandalon*) и *Сатана*, которыми по странному стечению обстоятельств постоянно пренебрегают.

Традиционный английский перевод греческого слова "*skandalon*"² как "камень преткновения" гораздо лучше недавних робких переводов, поскольку по-гречески это слово обозначает неизбежное препятствие, которое каким-то образом делается более привлекательным (и одновременно отталкивающим) каждый раз, когда мы на него натываемся. Когда Иисус впервые предсказывает Свою насильственную смерть (Мф. 16:21-23), Его смирение ужасает Петра, который пытается навязать учителю мирские амбиции: вместо того чтобы подражать Иисусу, Петр хочет, чтобы Иисус подражал ему. Если двое подражают желанию друг друга, значит оба желают один и тот же объект. И если они не могут поделить этот объект, то будут из-за него соперничать, причем каждый станет одновременно и моделью, и препятствием для другого. Конкурирующие желания усиливаются по мере того, как модель и препятствие все больше и больше мешают друг дру-

²Skandalon — в греческом языке слово обозначало крючок в западне, к которому прикреплялась приманка. В переносном значении оно обладало богатой семантикой: преткновение, соблазн, препятствие, предмет досады. В английском переводе библейских текстов *skandalon* переводится как "камень преткновения", в синодальном — "соблазн". В позднем латинском *scandalum* означал причину преступления, камень преткновения, искушение. "Скандал" (в этом тексте — "раздор"), обыгрываемый в данной статье Р. Жираром, является производным от *scandalum*.

гу, что ведет к эскалации миметического соперничества; восхищение уступает место негодованию, ревности, зависти, ненависти — и наконец, насилию и мести. Если бы Иисус последовал честолюбивому замыслу Петра, между ними началась бы борьба за лидерство в каком-нибудь политизированном "Движении Иисуса". Ощущая эту опасность, Иисус резко перебивает Петра: "Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн (*skandalon*)".

Чем больше наши модели препятствуют нашим желаниям, тем более привлекательными они становятся как *модели*. Раздоры (*scandals*), несомненно, могут возникать на сексуальной почве, но теперь понятно, что, прежде всего они связаны не с сексом, а с мирскими амбициями. Характеризуя эти раздоры, нужно исходить не из их объектов, а из эскалации конфликта модели/препятствия — миметического соперничества, являющего греховную динамику человеческого конфликта и связанного с ним душевного страдания. Если проблема миметического соперничества ускользает от нас, установки Иисуса можно ошибочно принять за некую социальную утопию. Но правда скорее в том, что раздоры — угроза настолько серьезная, что ради их избежания мы обязаны пожертвовать всем. При первом же намеке на конфликт нужно уступить предмет спора нашим соперникам и согласиться даже на самые возмутительные их требования; мы должны "подставлять другую щеку".

Выбирая в качестве модели Иисуса, мы в то же время выбираем его собственную модель, Бога-Отца. Свободный от желания обладать, Иисус провозглашает возможность свободы от раздоров. Если же мы выберем модели обладания, раздоры будут преследовать нас бесконечно, поскольку наша реальная модель — *Сатана*. Обольстительный искуситель, предлагающий желания, которые скорее всего приведут к соперничеству, Сатана не позволяет достигнуть того, что одновременно внушает нам в качестве желания. Он превращается в *diabolos* (другое слово, характеризующее миметическое соперничество модели/препятствия). Сатана — это персонифицированный *skandalon*, на что и указывает Иисус, упрекая Петра.

Так как большинство людей не следуют за Иисусом, раздоров не миновать (Мф. 18:7)³. Они распространяются такими способами, которые неизбежно подвергают опасности выживание человеческого рода в целом — ибо как только мы начинаем понимать ужасающую силу эскалации миметического желания, кажется, что никакое общество не способно ей противостоять. И все же, несмотря на то что множество обществ исчезает, рождаются новые, и довольно многие из ранее существовавших находят способы к выживанию или возрождению. Здесь, должно быть, актуализируется некая сила противодействия — недостаточная для того, чтобы прекратить раздоры раз и навсегда, но все же способная смягчить их воздействие и хоть как-то их контролировать.

Я считаю, что эта сила воплощается в мифологическом козле отпущения, священной жертве мифа. Распространение раздоров ведет к тому, что люди становятся настолько озабоченными своими соперниками, что теряют из виду объекты, из-за которых вступают в соперничество, и озлобленно сосредотачиваются друг на друге. Когда, заимствуя объект желания модели, человек заимствует также и ненависть соперника, приобретательный мимесис⁴ переходит в мимесис антагонистов. Все большее число людей объединяется против все меньшего до тех пор, пока в конце концов число врагов не сокращается до единственного. Так как каждый верит в вину последней жертвы, все обращаются против нее — и так как теперь она изолирована и беспомощна, никто не опасается возмездия. В результате ни у кого в сообществе не остается врага. Раздоры испаряются, и мир возвращается — на некоторое время.

Предохранение общества от беспредельного насилия происходит вследствие миметического объединения всех против единственной жертвы и последующего применения насилия в ограниченном масштабе. Насильственная смерть Иисуса в ее человеческом измерении — пример этого странного процесса. До

³ "Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам".

⁴ Понятие Жирара "acquisitive mimesis" (подробнее об этом в статье Е. Галёны на стр. 117 настоящего сборника).

того как он начнется, Иисус предупреждает учеников (в особенности Петра), что они "соблазнятся" (*scandalized*) о Нем (Мк. 14:27). Это использование *scandalize* предполагает, что та же миметическая сила, что движет соперничеством между людьми, движет и насилием "всех против одного". В деле предотвращения бунта и разгона толпы Распятие на кресте — пример катарсической виктимизации. Поразительные детали из Евангелия проясняют катарсическое влияние миметического убийства — и позволяют отличать его от христианского смысла Распятия.

Заканчивая описание Страстей, Лука пишет: "И сделались в тот день Пилат и Ирод друзьями между собою, ибо прежде были во вражде друг с другом" (Лк. 23:12). Так как источником примирения здесь является смерть Иисуса, внешне оно может напоминать христианское единение. И все же ничего общего с христианством здесь нет: это эффект катарсиса, тесно связанного с миметическим заражением.

Преследователи Иисуса не понимают, что подражают друг другу. Невежество не отменяет их ответственности, но уменьшает ее: "Отче! прости им, — говорит Иисус, — ибо не знают, что делают" (Лк. 23:34). Параллельное утверждение в Деян. 3:17 показывает, что это высказывание нужно интерпретировать буквально. Поведение толпы и ее властителей Петр приписывает невежеству. Личный опыт миметического принуждения, которое завладевает толпами, не позволяет ему считать себя невосприимчивым к заражительной виктимизации.

Роль Сатаны, состоящая в персонификации раздоров, помогает понять, как подражание осмыслено в Евангелиях. На вопрос "как Сатана может изгонять Сатану?" (Мк. 3:23) единогласным ответом становится виктимизация.

С одной стороны, Сатана — подстрекатель раздоров, сила, разлагающая общества; с другой, он же предлагает решение раздоров — единогласную виктимизацию. Эта последняя уловка позволяет князю мира сего спасти свои владения в экстремальных ситуациях, когда созданный им же беспорядок становится слишком большой угрозой. Будучи одновременно законом и

беспорядка, и порядка, Сатана действительно в разладе с самим собой.

Известное описание миметического убийства Иоанна Крестителя и Марк, и Матфей дают в любопытной ретроспективе. Начав с того, как Ирод заинтересованно вслушивается в молву о воскресении Иоанна, и только затем вернувшись назад во времени, чтобы рассказать о смерти пророка, оба евангелиста показывают, что источником навязчивой веры Ирода является его решающее участие в убийстве. Евангелисты излагают короткий, но драгоценный пример происхождения *мифического* — учреждающей силы насилия, его способности создавать культуру. Вера Ирода, безусловно, является остаточной, но тот факт, что она упоминается в двух Евангелиях, думаю, подтверждает достоверность евангельского учения о том, что в основе мифологии лежит подражательная виктимизация.

Ложное воскресение, которое вроде бы напоминает истинное, часто приводит современных христиан в замешательство — однако очевидно, что ни Марк, ни Матфей вовсе не разделяют их смущения. Отдавая должное сходству между двумя историями, они обращают на него наше внимание, во многом подобно тому как Лука обращается к сходству между христианским единством и нечестивым единением между Иродом и Пилатом, источником которого также является смерть Иисуса. Евангелисты видят здесь нечто очень простое и фундаментальное, что должны увидеть и мы сами. Как только мы привыкнем к сходству между насилием в Библии и в мифах, мы сможем понять, почему Библия *не* мифична, почему предлагаемый ею ответ на насилие радикально отличается от ответа мифа.

Начиная с истории о Каине и Авеле, Библия говорит о невинности мифических жертв и вине их гонителей. Мы, живущие в эпоху, когда Евангелие распространено по всему миру, находим это естественным и никогда не задумываемся о том, что в классических мифах верно обратное: кажется, у гонителей всегда найдется веская причина для преследования своих жертв. В дионисийских мифах оправдываются даже самые ужасные расправы. В "Вакханках" Пентей закономерно убит матерью и сестрами, поскольку

презрение к богу Дионису — проступок, заслуживающий смерти. Печальная участь Эдипа также оправдана. Согласно мифу, он действительно убил своего отца и женился на матери, поэтому на самом деле именно на нем лежит ответственность за чуму, опустошающую Фивы. Изгнать его — не просто допустимое действие, но религиозный долг.

Даже если мифических жертв не обвиняют ни в каком преступлении, все равно предполагается, что их смерть достаточно обоснованна, несмотря на их невинность. Например, в ведическом мифе Пуруша не делает ничего дурного, и тем не менее расчленение жертвы представляется как святое дело. Части тела Пуруши нужны для создания трех больших каст, оплота индийского общества. Миф всегда оправдывает насильственную смерть.

Если насилие в мифах является чисто миметическим — таким же, как и в Страстях, — то, как уверяет Иисус, все эти оправдания ложны. И все же, поскольку такие мифы систематически извращают истинное распределение невинности и вины, их нельзя назвать чистым вымыслом. Они, конечно, ложны, но эта ложь особая, вызванная подражательной инфекцией — ложным обвинением, которое миметически распространяется по всему взбудораженному человеческому сообществу в тот кульминационный момент, когда раздоры поляризуются вокруг единственного козла отпущения, смерть которого и воссоединяет сообщество. Миф создается благодаря невидимому действию миметического заражения.

Мифические обоснования виктимизации хорошо известны: в поисках козлов отпущения толпа преследователей всегда прибегает к стереотипным обвинениям. Однако в Евангелиях механизм поиска козла отпущения делается совершенно прозрачным, так как встречает сопротивление и утрачивает эффективность. Сопротивление миметическому заражению не дает мифу обрести свою законченную форму. В свете Евангелий вывод неизбежен: мифы — это голос сообществ, полностью отравленных ядом подражательной виктимизации.

Подтверждением такого толкования служат оптимистические окончания мифов. Связь между обвинением жертвы и вос-

становлением мира в сообществе встречается слишком часто, чтобы быть случайной. Единственное возможное объяснение этому — искаженное представление о единодушном преследовании. Насилие достигает цели только тогда, когда одурачены все свидетели. В мифах ее достижение подтверждается гармоничной и катарсической концовкой, основывающейся на единодушном согласии на убийство.

Сегодня мы слышим, что каждый текст и каждое событие открыты для бесконечного числа интерпретаций, более-менее равноценных между собой. Подражательная виктимизация показывает абсурдность такого взгляда. Возможны только две сильно различающиеся реакции на миметическое заражение: сдаться и присоединиться к толпе преследователей либо сопротивляться в одиночку. Первый путь — единодушный самообман, который называется мифология.

Второй путь — дорога к истине. Ему учит Библия.

Вместо того чтобы возлагать ответственность за виктимизацию на жертв, Евангелия обвиняют гонителей. Таким образом то, что мифы систематически скрывают, Библия делает явным.

Это различие не является только "моралистическим" (как считал Ницше) или обусловленным субъективным выбором — это вопрос истины. Когда в Библии и Евангелиях говорится, что жертвы должны были остаться неприкосновенными, это не просто выражение "чувства жалости" по отношению к несчастным. Здесь разоблачается иллюзия о единодушной поддержке виктимизации — иллюзия, которая в базовых мифах служит для разрешения кризисов и реорганизации человеческих сообществ.

Когда мы анализируем мифы через призму Евангелий, проясняются даже самые загадочные их особенности. Рассмотрим, например, увечья и отклонения, которые, кажется, всегда преследуют мифических героев. Эдип хромает, как и довольно многие его сотоварищи из героев и богов. Иные имеют только одну ногу, или одну руку, или один глаз, либо они слепые, горбатые, и т.д. Некоторые к тому же необычно высокого или слишком низкого роста. Кто-то страдает из-за отвратительного кожного заболевания

ния или запаха тела, настолько сильного, что изводит им окружающих.

В толпе даже незначительные признаки увечий и физических отклонений вызывают чувство дискомфорта и в конце концов неизбежно ведут к беде, так как их обладатели, вероятно, будут отобраны на роль жертвы. Должно быть, преобладание калек и уродов среди мифических героев — статистическое следствие того типа виктимизации, который производит мифологию. То же касается преобладания "чужих": во всех изолированных группах посторонние пробуждают любопытство, которое в случае паники может быстро перейти во враждебность. Миметическое насилие в высшей степени дезориентирует; не имея достаточных оснований, оно избирает своих жертв, руководствуясь крохотными знаками и псевдопричинами, которые можно определить как предпочтительные знаки виктимизации.

В Библии ложные или незначительные основания мифического насилия решительно отвергнуты простым и исчерпывающим утверждением: *"возненавидели Меня напрасно"* (Ин. 15:25), где Иисус цитирует и фактически подытоживает Псалом 34 — один из "псалмов о козле отпущения", который буквально выворачивает наизнанку мифические оправдания толпы. Здесь говорит не толпа, пытающаяся оправдать насилие причинами, которые воспринимаются как законные, а жертва, провозглашающая эти причины несуществующими.

Чтобы толковать архаические мифы, нужно только придерживаться того метода, который предлагает Иисус, заменяя ложные мифические причины этим *"напрасно"*.

Насколько я понимаю, в Византийской империи трагедию Эдипа прочитывали как аналог христианских Страстей. Если это так, значит антропологи того времени правильно определяли проблему, но подходили к ней не с того конца. Сведя Евангелие к обыкновенному мифу, они затмили Евангельский свет мифологией. Чтобы решить проблему, нужно осветить мрак мифа Евангельской вестью.

Если единогласная виктимизация примиряет и переорганизовывает общество прямо пропорционально собственному

сокрытию, должно быть, ее эффективность уменьшается прямо пропорционально ее обнаружению. Когда мифическая ложь публично осуждена, поляризация раздоров больше не однозначна, а социальный катарсис слабеет и вовсе исчезает. Вместо того чтобы примирить сообщество, виктимизация неумолимо усиливает раздоры и разногласия.

Эти разрушительные последствия должны ощущаться в Евангелиях, что и происходит. Например, в Евангелии от Иоанна все, что делает и говорит Иисус, имеет двойственный характер. Евангелист не только не преуменьшает этого факта, но и неоднократно привлекает к нему наше внимание. Точно так же и у Матфея (10:34) Иисус говорит: "не мир пришел Я принести, но меч". Если человечество может приходить к миру только путем бессознательной виктимизации, тогда сознание, которое Евангелия приносят в мир, может этот мир только разрушить.

Образ Сатаны — "лжеца и отца лжи" (Ин. 8:44) — также выражает эту оппозицию между мифическим сокрытием и евангельским обнаружением виктимизации. Распятие как поражение Сатаны, предсказание Иисуса о том, что Сатане "придет конец" (Мк. 3:26), подразумевает мир менее упорядоченный, чем тот, в котором Сатана чувствует себя на свободе. Вместо гармоничной концовки мифа Новый Завет в синоптических Евангелиях, равно как и в Откровении, открывает апокалипсические перспективы. Чтобы достичь "мира, который превосходит любое понимание", человечество должно отказаться от старого, частичного мира, основанного на виктимизации — а это может привести к большим раздорам. Апокалипсическое измерение — не чужеродный элемент, который следует выбросить из Нового Завета, чтобы "улучшить" христианство; это неотъемлемая часть откровения.

Сатана пытается заставить Иисуса замолчать, прибегая к тому же приему, который Иисус ниспровергает. У него есть серьезные основания полагать, что старая миметическая уловка с Иисусом в роли жертвы приведет к тому же, к чему всегда приводила в прошлом: появлению еще одного обычного мифа, замкнутой системы мифической лжи. У него есть серьезные основания полагать, что миметический яд, использованный против Иисуса,

вновь окажет свое беспронимательное действие и откровение будет уничтожено.

Но сатана обманут в своих ожиданиях. В Евангелиях происходит все то же, что прежде происходило в Библии: преследуемый пророк, невинно обвиняемая жертва, реабилитирован. Но Евангелия к тому же универсализируют эту реабилитацию. Они показывают, что жертвы всех убийств от создания мира, подобные жертве убийства в Страстях, страдали от того же миметического заражения, что и Иисус. Евангелия придают окончательную завершенность этому открытию. Осуждение идолопоклонства в Библии они дополняют конкретной демонстрацией того, как возникают ложные боги и их жестокие культурные системы, основанные на насилии. *Вот* та правда, которой недостает в мифологии, правда, ниспровергающая основанную на насилии систему этого мира. Если бы Евангелия были мифом, они не предлагали бы знания, которое демифологизирует саму мифологию.

Тем не менее, христианство не сводимо к логической схеме. Все сообщество не может быть вовлечено в разоблачение единодушной виктимизации — иначе не было бы никого, кто бы ее осуществлял. Разоблачать может только несогласное меньшинство, достаточно смелое, чтобы бросить вызов официальной правде, но все же слишком малочисленное, чтобы не дать событию виктимизации произойти. Однако такое меньшинство чрезвычайно уязвимо и обычно поглощается подражательной инфекцией. Выражаясь человеческим языком, разоблачение невыполнимо.

В большинстве библейских текстов несогласное меньшинство остается невидимым, но в Евангелиях ему соответствует группа первых христиан. Евангелия подчеркивают невыполнимость их намерений, настаивая на неспособности учеников сопротивляться толпе во время Страстей (особенно это касается Петра, который трижды предает Иисуса во дворе первосвященника). И все же после Распятия, которое должно было бы окончательно усугубить ситуацию, эта жалкая горстка слабаков внезапно делает то, на что была неспособна, когда Иисус еще был рядом и мог помочь: смело провозглашает невинность жертвы, оказывая

открытое неповиновение гонителям, и становится группой бесстрашных апостолов и миссионеров ранней Церкви.

Конечно, такая перемена стала возможной благодаря Воскресению, но даже это удивительнейшее чудо само по себе не смогло бы преобразить апостолов так сильно, если бы было просто одним из отдельных чудес, а не первым проявлением искупительной силы Распятия. Антропологический анализ позволяет утверждать: как откровение о христианской жертве отличается от мифических откровений (поскольку не имеет ничего общего с иллюзией виновного козла отпущения), так и христианское Воскресение отличается от воскресений мифических. Его свидетели — это люди, которые в конечном счете преодолевают инфекцию виктимизации (как Петр и Павел), а не находятся под ее воздействием (как Ирод и Пилат). Христианское Воскресение необходимо для чисто антропологического разоблачения единогогласной виктимизации, для демифологизации мифических воскресений.

Смерть Иисуса — источник благодати не потому, что Отец "отмщен" ею, но потому, что Иисус жил и умер так, что если его примеру последуют все, то раздоры, а также возникающие вследствие их гонения прекратятся. Иисус жил так, как следует жить всем, кто хочет соединиться с Богом, Чью истинную природу Он показывает.

Полностью повинувшись Своим антимиметическим установкам, Иисус не обнаруживает ни малейшего стремления к раздражательному соперничеству и виктимизации. И, как это ни парадоксально, умирает потому, что совершенно невиновен. Он становится жертвой того процесса, от которого освобождает человечество. Когда человек в одиночку следует законам Царства Божия, в глазах всех тех, кто их не признает, это выглядит несносной провокацией, и для всех он автоматически становится жертвой. В этом парадоксе в полной мере раскрывается "грех мира", неспособность человека освободить себя от жестоких мирских пут.

При жизни Иисуса несогласное меньшинство тех, кто сопротивлялся миметическому заражению, на самом деле состояло из одного человека — Его Самого; жертвы самой что ни на есть случайной (потому что Он наименее всех заслуживал насильственной смерти) и самой неслучайной (потому что Его совершенство было непростительным оскорблением жестокому миру). Он — избранный козел отпущения, Агнец Божий, Которого неосознанно выбирает каждый, даже не догадываясь о выборе какой-либо жертвы.

Когда Иисус умирает в одиночестве, оставленный апостолами, гонители снова проявляют единодушие. Будь Евангельское повествование мифом, правда, которую хотел показать Иисус, была бы похоронена раз и навсегда, а вместо нее на пьедестале оказалась бы мифическая жертва как божественный источник реорганизации общества. Это было бы следствием "хорошего" насилия над козлом отпущения, кладущего конец "дурному" миметическому насилию, которое прежде несло общественную угрозу.

Если на сей раз мифа о смерти-воскресении не получается, если планы Сатаны наконец расстроены, то причина этому — внезапный прилив храбрости в учениках. Но сила этого прилива исходила не из них самих. Она явно возникла в результате невинной смерти Иисуса. Божественная благодать делает учеников больше похожими на Иисуса, Который перед смертью объявил, что помощником им будет Святой Дух истины. По этой же причине, я думаю, Евангелие Иоанна называет Святой Дух *Параклитом* — греческим словом, которое попросту означает адвоката, защитника обвиняемого перед трибуналом. Параклит, между прочим, — антипод Обвинителя: Дух Истины, который дает категорическое опровержение сатанинской лжи. Именно поэтому в первом Послании к коринфянам 2:7-8 Павел пишет: "Но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы".

Истинное Воскресение основано не на мифической лжи о виновной жертве, заслуживающей смерти, а на исправлении этой лжи, исходящем от истинного Бога и вновь открывающем каналы общения, которые человечество закрыло, заточившись в собственных культурах насилия. Только божественной благодатью можно объяснить, почему после Воскресения ученики смогли стать несогласным меньшинством в океане виктимизации — осознать то, чего ранее недопонимали: невинность не только Иисуса, но и жертв всех убийств, подобных Страстям, начиная от создания мира.

